

Евгений Будде

**К истории великорусских
говоров**

**Опыт историко-сравнительного
исследования народного говора
в Касимовском уезде Рязанской
губернии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Е14

Е14 **Евгений Буде**
К истории великорусских говоров: Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии / Евгений Буде – М.: Книга по Требованию, 2013. – 378 с.

ISBN 978-5-518-06081-4

ISBN 978-5-518-06081-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Къ Исторіи великорусскихъ говоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Съ научной разработкой современныхъ намъ русскихъ нарѣчій и говоровъ связаны наши представленія о древнѣйшихъ эпохахъ русскаго языка, связаны наши свѣдѣнія о звуковомъ и формальномъ составѣ русскаго праязыка. Точное знакомство съ живыми русскими нарѣчіями и говорами, составленное на основаніи научнаго ихъ описанія, изслѣдованія и, по возможности, личнаго наблюденія должно быть исходною точкой при нашихъ заключеніяхъ о русскомъ языкѣ прошедшихъ вѣковъ. Поразительное разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ изъ области гласныхъ или согласныхъ въ произношеніи лицъ, принадлежащихъ разнымъ говорамъ, должно быть принято во вниманіе при научныхъ построеніяхъ и гипотезахъ о системахъ звуковъ русскаго языка тѣхъ эпохъ, которыя недоступны нашему непосредственному наблюденію. Наши представленія о звукахъ русскаго языка до послѣдняго времени были въ значительной степени обусловлены привычнымъ видомъ орфографическихъ начертаній и свѣдѣніями о старо-славянскомъ языкѣ по рукописямъ, давшими въ свою очередь начало тѣмъ звуковымъ представленіямъ, которымъ часто не находилось соответствія въ дѣйствительности, въ средѣ живыхъ звуковъ русскаго языка. Новѣйшій поворотъ въ направленіи языкознанія вообще, и русскаго языкознанія въ частности, занятія современной диалектологіей русскаго языка и перемѣна въ точкѣ отправ-

ленія при изученіи лингвистических явленій, именно, - опредѣленіе неизвѣстнаго, искомаго, при посредствѣ или изъ извѣстнаго, найденнаго и опредѣленнаго,—все это внесло уже въ современную русскую лингвистику несомнѣнныя достоинства: критическую оцѣнку старыхъ положеній, уничтоженіе оказавшихся невѣрными и построеніе новыхъ положеній на основаніи болѣе доказательныхъ и убѣдительныхъ данныхъ

Въ связи съ новымъ изученіемъ русскаго языка на живыхъ говорахъ стоитъ и чтеніе и пониманіе древнихъ русскихъ рукописей: древняя орфографія во многихъ случаяхъ получила понятный смыслъ, перестала казаться въ очень многихъ случаяхъ прихотью, капризомъ или бессмысленнымъ мудрствованіемъ полуграмотнаго писца, малограмотному человѣку не отказывается болѣе въ естественномъ и часто единственно возможномъ для него изображеніи па письмѣ тѣхъ звуковъ, которые онъ самъ употреблялъ или употребляетъ въ своемъ произношеніи, допускается сознательная цѣль и сознательное отношеніе у древнихъ русскихъ книжниковъ къ своей орфографіи, замѣчается стремленіе проникнуть въ мыслительный процессъ древняго писца при постановкѣ имъ той или другой буквы въ его рукописи,—словомъ, изученіе современной дѣйствительности, даже наиболѣе мелкихъ проявленій ея, начиная отъ малограмотныхъ написавій и кончая крупнѣйшими явленіями въ области народной рѣчи и мысли, начинаетъ разсѣивать туманъ въ нашихъ представленіяхъ о нашемъ языкѣ—народѣ, начинаетъ вносить яркій свѣтъ въ наше самосознаніе.... Я не буду называть именъ тѣхъ ученыхъ, съ дѣятельностью которыхъ связаны успѣхи нашей науки въ вышесказанномъ смыслѣ: имена этихъ ученыхъ извѣстны всякому лингвисту; скажу только, что въ этихъ-же успѣхахъ русской науки и я почерпнулъ для себя новыя силы, новыя надежды и желаніе продолжать изслѣдованіе живыхъ русскихъ говоровъ. Я выбралъ для себя на этотъ разъ одинъ небольшой уголокъ, гдѣ слышится русская рѣчь, и думаю, что я не ошибся, ограничивая свое изслѣдованіе областью русскаго говора на небольшомъ пространствѣ громадной русской территоріи. При выборѣ темы, помимо общаго интереса къ изысканіямъ въ области діалектологіи русскаго языка, мною руководило глубокое убѣжденіе въ томъ, что описаніе и изслѣдованіе всякаго народнаго говора рано или поздно должно быть принято во вниманіе при построеніи

общей исторіи русскаго языка, должно отразиться извѣстнымъ образомъ на нашихъ выводахъ о русскомъ праязыкѣ, объ историческомъ развитіи дѣйствующихъ въ нашемъ языкѣ законовъ.

Покойный И. И. Срезневскій завѣщалъ много задачъ будущимъ историкамъ русскаго языка въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли объ исторіи русскаго языка“; эти задачи составляютъ насущную потребность науки о русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Срезневскій высказалъ свои мысли, прошло почти полвѣка, но и по сіе время далеко не всѣ эти задачи выполнены, а къ выполненію многихъ изъ нихъ даже еще и не приступали; и это—естественно, понятно: область задачъ и занятій такъ широка, что нѣтъ возможности охватить ихъ въ короткое время, и значеніе отдѣльныхъ трудовъ и монографій по частнымъ вопросамъ можетъ быть незамѣтнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не считаться съ мыслями Срезневскаго, нельзя не видѣть всей ихъ важности и справедливости, когда читаешь: „Для того, чтобы матеріалы для исторіи русскаго языка были приготовлены вполнѣ, нужно многое... По каждому изъ нарѣчій русскихъ и ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ должны быть составлены отдѣльно словари и сборники образцовъ изъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, разговоровъ и т. п. и для каждого отдѣльно особенная грамматика съ сборомъ памятниковъ народной словесности въ отношеніи къ слогу, мѣрѣ, формамъ изложенія и содержанія. Развитие языка въ мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ должно быть изслѣдовано въ частныхъ монографіяхъ такъ же отчетливо, какъ и развитие языка повременное по памятникамъ, оставшимся отъ разныхъ вѣковъ“¹⁾. Такимъ образомъ, для своей работы я выбралъ за-Ожскій край (смотря съ юга) нынѣшней Рязанской губерніи.

Именно, этотъ край обратилъ на себя мое вниманіе по многимъ причинамъ: 1) мнѣ хотѣлось лично познакомиться со всѣми говорами въ нынѣшней Рязанской губерніи, какъ съ говорами, совершенно не изслѣдованными, и такимъ образомъ дополнить свой трудъ: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ (В. 1892), гдѣ изслѣдована по преимуществу южная часть нынѣшней Рязанской губерніи въ діалектологическомъ

¹⁾ Срезневскій. Мысли объ исторіи рус. языка. 1887. Спб. Стр. 98—99.

отношеніи, т. е. та часть, которая лежитъ въ югу отъ Оки. Само собой разумѣется, меня интересовали въ данномъ случаѣ вопросы, не составляетъ-ли Ока естественной границы говорѣ, не приближается-ли говоръ этого края къ говору смежному Владимірскому, нельзя-ли составить себѣ нѣкоторое понятіе о говорѣ старой Муромо-Рязанской земли, могъ-ли быть и говоръ Муромо-Рязанскій ¹⁾.... На такіе вопросы меня наводили тѣ звуковыя особенности въ говорѣ за-Окского края, съ которыми я сталъ впервые знакомиться по сообщеніямъ мѣстныхъ уроженцевъ и жителей, когда составлялъ свой первый трудъ по діалектологіи, живя на югѣ Рязанской губерніи. 2) На магистерскомъ диспутѣ моемъ проф. В. Θ. Миллеръ обратилъ мое вниманіе на говоръ Касимовскаго уѣзда, поскольку этотъ говоръ обнаруживался и выдѣлялся въ моей диссертациі. Наконецъ, 3) и критика отмѣтила по моей работѣ особенности говора на сѣверѣ Рязанской губерніи. Эти особенности прежде мнѣ самому не были извѣстны вполне, а теперь я лично съ ними познакомился. Я сосредоточилъ свои занятія въ Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Оказалось, что чѣмъ далѣе углублялся я на сѣверо-востокъ, тѣмъ разница въ говорѣ сравнительно съ южной половиной Ряз. губерніи становилась рѣзче и интереснѣе, а потому я и объѣхалъ весь сѣверо-восточный уголъ Рязанской губерніи. Въ Спасскомъ уѣздѣ я записывалъ говоръ крестьянъ (почти исключительно женщинъ) изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Санское, с. Гавриловское, д. Ждлобова Слобода, с. Новый Киструсь, д. Деревенское, с. Ижевское, с. Вѣжелѣсь (произн. Вѣжлись), д. Воскресенское.

Въ Касимовскомъ уѣздѣ—изъ слѣдующихъ селъ и деревень: с. Нармушаль, с. Ерахтуръ, д. Борки, с. Шостья, с. Чинуръ, с. Антоново, Лѣсново, Ярыгино, Брѣево, Ломъ, Жданово, Селище, Дмитріево, Лощина, Данево, г. Касимовъ, Уланова Гора, Гусевской Заводъ, Гусевской Погостъ, Бѣльково, Забѣлино, Урадино, с. Китово, д. Китово, Акулово, с. Чарусъ, Ивановское, с. Ветчаны (Истомино), Курша, Борисково. Малахово, Андроновъ; Катово, Логино. Рогачево, Горы, Чуфилово, Бычково (с. Черкасово), Зубово, Расторгуево, Семейно,

¹⁾ См. мой «Отчетъ» о командировкѣ въ Ряз. губернію. Казань. 1895. Изъ «Ученыхъ Записокъ» Каз. Унив.).

Снохино, Кабаново, Меркулово, Симоново (Тумскій край), с. Тума; д. Оськино, Ахматово, с. Давыдово, д. Праватарово, с. Шаранина, Агѣево, Ажулово (другое), Амляшовскіе выселки, Наумцево, д. Жалудково, Немнясево, Норино, Анисово, Малышкино, с. Парахино, Фомино, Залѣсье, Астафьево, Велькова, Алексѣево, Ужищево, Мягково, Волчково, Ламакино, Бѣлaseво. Или по волостямъ: Крахтурская волость, Шѣстинская, Дмитріевская, Погостинская, Китовская, Ветчанская, Тумская, Давыдовская, Парахинская, Алексѣевская, Ламакинская.

Въ описаніи изслѣдуемаго говора я буду держаться обычнаго порядка изложенія: сперва опишу звуки этихъ говоровъ, что составитъ первый томъ—фонетику; затѣмъ обращусь къ формальному составу, что составитъ второй томъ труда—морфологию. Главное вниманіе я обращаю на фонетику, и въ ней—на нѣкоторые отдѣлы ея въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ; при этомъ я займусь особенно тѣми отдѣлами, по которымъ собранный мною матеріалъ представляетъ новыя данныя для исторіи великорусскаго нарѣчія; согласнымъ звукамъ я удѣляю въ своемъ трудѣ болѣе видное мѣсто и рассматриваю ихъ съ болѣею подробностью, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Такой планъ моей работы обусловленъ содержаніемъ собраннаго матеріала, который представляетъ многоцѣнный и новыя для исторіи согласныхъ звуковъ русскаго языка; не могу не замѣтить при этомъ, что въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій по русскому языку до сихъ поръ какъ-то гораздо подробнѣе изслѣдователи останавливались на гласныхъ звукахъ, чѣмъ на согласныхъ. что, конечно, обуславливалось отчасти и недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ русскими живыми говорами. Какъ бы-то ни было, гласнымъ звукамъ болѣе удѣлено вниманія въ ученой литературѣ по русскому языку, чѣмъ согласнымъ. Такъ какъ изслѣдуемые мною говоры, говоры нынѣшней Рязанской губерніи, вообще относятся къ говорамъ южно-великорусскаго поднарѣчія, то, естественно, прежде всего мнѣ оказалось необходимымъ познакомиться въ подробностяхъ съ ближайшими, сосѣдними говорами, принадлежащими къ тому-же поднарѣчію. Но здѣсь представились для меня непреодолимые препятствія въ рѣшеніи многихъ интересовавшихъ меня вопросовъ; эти препятствія заключаются въ томъ, что вообще южно-великорусскіе говоры

крайне мало изслѣдованы, почти даже не описаны. и потому многіе говоры южно-великорусскаго подварѣчія остаются для насъ почти неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ подробностяхъ. Нѣсколько иначе дѣло обстоитъ съ говорами сѣверно-великорусскаго подварѣчія: они болѣе подробно описаны, по нимъ издано гораздо больше матеріаловъ, литература ихъ гораздо богаче. Интересуясь судьбой согласныхъ звуковъ въ той части русскаго языка, которая нынѣ составляетъ южно-великорусское его подварѣчіе, я пожелалъ познакомиться обстоятельно съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ литературы предмета относительно произношенія согласныхъ въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Съ 1892 года мы имѣемъ для подобныхъ цѣлей прекрасно составленную работу А. И. Соболевскаго: „Очеркъ русской діалектологіи“, служащую незамѣнимымъ справочнымъ сочиненіемъ, такъ какъ въ этомъ своемъ трудѣ авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ печатнымъ матеріаломъ по народнымъ русскимъ говорамъ, матеріаломъ, разбросаннымъ ранѣе по разнымъ изданіямъ статистическихъ комитетовъ, не сгруппированнымъ и потому недоступнымъ для параллельнаго обзоренія. Послѣ этого труда мы можемъ почти не справляться со старымъ трудомъ Даля („О варѣчіяхъ русскаго языка“ 1852 г.), такъ какъ матеріалы послѣдняго вошли и въ „Очеркъ“ Соболевскаго, хотя и не надо забывать при пользованіи тѣмъ и другимъ трудомъ, что Даль говорить о звукахъ въ большинствѣ случаевъ по собственному слуху, а Соболевскій—по печатнымъ изданіямъ матеріаловъ. Оказывается, что говоры смежныхъ съ Рязанской губерніей извѣстны намъ чуть-ли не менѣе всѣхъ остальныхъ. „о говорахъ Калужской губерніи мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній“¹⁾: нѣсколько отдѣльныхъ чертъ говора въ Мосальскомъ уѣздѣ да одна черта говора въ Жиздринскомъ уѣздѣ, въ частности, по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстны: мягкость *ж* и твердость двойного *ш* въ Мосальскомъ уѣздѣ²⁾. Почти

¹⁾ Соболевскій. Очеркъ р. діалектологіи. Жив. Стар. 1892. Вып. I. Стр. 15.

²⁾ Соболевскій. Ib. 15. Сравни однако у Даля (О варѣчіяхъ. LXIII. При Словарѣ 1880 г.): *чюканье* въ Боровскѣ, *чюканье* въ Медынѣ, нечистое *ч*, *и*—въ Бѣлевскомъ, *эоля*, *пунанье* звуковъ *ж*, *ш*, *жж*, *кж*; *и*=*у* въ Малоярославцѣ, *ш*=*шж*, *зля* (для)—въ Жиздрѣ; *чаю*=*чего*—*иб*

такую-же скудостью отличаются наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губерніи. въ особенности—о говорахъ Новосильскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ ¹⁾: о согласныхъ мы знаемъ, что *n* и *φ* въ концѣ слова могутъ быть мягкими (около Тулы), *i* = *γ*, *xv* = *φ*, *φ* = *x*, *xφ*; *i*, *κ*, *x* въ формахъ дат. и мѣстн. пад. могутъ переходить въ свистящіе соответствующіе звуки. Изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ, оказывается, также немного свѣдѣній о говорахъ только трехъ уѣздовъ ²⁾: о согласныхъ мы знаемъ: мягкое *ж* (Елецкій уѣздъ), двойное твердое *ш* (Елец. Ливенскій уу.), мягкое *л*, близкое къ франц. *l* (Елецк. у.) ³⁾.

„Съ говорами Курской губерніи мы сравнительно хорошо знакомы“ ⁴⁾, благодаря, конечно, записямъ Халанскаго въ Щигровскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ; по вопросу о согласныхъ звукахъ намъ извѣстно въ этихъ говорахъ слѣдующее: конечное *n* обыкновенно твердо, вмѣсто конечнаго *φ*—твердое *в*, *i* = *γ*, *φ* = *x* и *xv*, дат. и мѣстн. падежи иногда съ древними свистящими вмѣсто мягкихъ *i*, *κ*, *x* (Щигров. у.); спорадически согласные звонкіе вм. глухихъ: дорѣжка (Бѣлгород. у.); двойные *л*, *н*, *д* и др. вм. *ль*, *нь*, *дь*, звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ, *в* вм. *л* въ формахъ прош. времени (Путивл. у.). Почти вездѣ *i* = *γ* въ окончаніи—*ю*: въ Старооскольскомъ, Обоянскомъ, Суджанскомъ, Новооскольскомъ, Путивльскомъ уѣздахъ ⁵⁾. О говорахъ Рязанской губерніи Соболевскій въ 1892 году сказалъ: „Несомнѣнно, эти говоры—сильно акающіе (даже сѣверные)“ ⁶⁾. Теперь, послѣ того какъ я познакомился лично съ говорами Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ, это мнѣніе придется измѣнить и Соболевскому, и мнѣ (я въ своей первой работѣ о рязанскихъ говорахъ полагалъ также на основаніи сообщеній другихъ лицъ, что и на сѣверѣ Ряз. губерніи *аканье* такое-же, какъ на югѣ): говоръ Спасскаго и Касимов-

¹⁾ Соболевскій. Ib. Стр. 16. Срв. у Даля ib.: *вошпнталь*, *i* = *γ*—Кашира.

²⁾ Соболевскій. Ib. Стр. 16.

³⁾ Сравни у Даля ib.: *мѣна x* и *φ*; мягкое *κ* въ Мценскѣ. Стр. LXIV. „Мценскъ”—я самъ слышалъ.

⁴⁾ Соболевскій. Ib. 17 и слѣд.

⁵⁾ Сравни у Даля ib. LXIV еще: *ш*—двойное *ш*, *в* = *ч*, мягкое *κ*, *таль*, *злмчул*.

⁶⁾ Соболевскій. Ib. 18.

скаго уѣздовъ (въ особенности послѣдняго) по *аканью* отличается отъ южныхъ говоровъ, какъ увидимъ далѣе, и скорѣе подходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ къ умѣренно-аканьющимъ говорамъ. Согласные звуки въ говорахъ южныхъ уѣздовъ Ряз. губерніи описаны раньше мною ¹⁾, а согласные въ говорахъ Спасскаго и Касимовскаго уѣздовъ будутъ описаны въ этомъ трудѣ.

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тамбовской губерніи также небогаты ²⁾: намъ извѣстно о согласныхъ только мягкость *к* (въ Кадомскомъ и частью въ Липецкомъ у.), звукъ *у* въ окончаніи—*ю* (Кадом. у.), твердость двойного *ш* (часть Липец. у.), *що*—въ Кадомскомъ и Липецкомъ уѣздахъ ³⁾. О великорусскихъ говорахъ Воронежской губерніи мы тоже немного знаемъ: по отношенію къ согласнымъ звукамъ намъ извѣстно *з*—*у*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш* въ Нижнедѣвицкомъ и Бобровскомъ уѣздахъ ⁴⁾.

Объ аканьющихъ говорахъ прочихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ Рязанской, мы знаемъ едвали еще не менѣе, чѣмъ о говорахъ, упомянутыхъ выше; но даже и говоры Московской губерніи по уѣздамъ намъ неизвѣстны, такъ какъ нѣтъ ихъ описанія ⁵⁾. Въ области согласныхъ звуковъ замѣтимъ слѣдующіе факты: *дж* вм. *ж*, *з*—*у*, *що* въ части Новгородсверскаго у. Черниговской губерніи; мѣну *ц* и *ч* въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ уу. Нижегородской губерніи ⁶⁾, мѣну *ц* и *ч* въ Псковскомъ уѣздѣ Псков. губ., *д* и *т* съ свистающимъ оттѣнкомъ, *ц* вм. *ч*, твердое двойное *ш*—на югѣ Псковской губ.; *з*—*г*—въ Великолуцкомъ у. Псковской губерніи ⁷⁾.

¹⁾ «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій». В. 1892.

²⁾ Соболев. ib. 19.

³⁾ Срв. у Даля ib. LXV: въ Темниковѣ *х*=*к*, «у Кадома есть небольшой слѣдъ *чоканья*: прочь произносится почти какъ *процъ*».

⁴⁾ Соболев. ib. 20 Срв. у Даля ib. LXIV—LXV: *Хеминъ, кудинъ; Алдѣжа* (Нижнедѣвицк.).

⁵⁾ Соболев. ib. Стр. 20—24.

⁶⁾ *Ляпунова*. О говорахъ Лукоянов. у. Нижегород. губ. Спб. 1894. См. приложенную въ концѣ карту. Соболевскій. ib. 22.

⁷⁾ Соболев. ib. 23—24.

Мы сдѣлали бѣглый обзоръ извѣстнаго намъ изъ области согласныхъ звуковъ въ акающихъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. Какъ видитъ читатель, на основаніи наличнаго матеріала можно составить себѣ приблизительное понятіе о современномъ произношеніи въ этихъ говорахъ звуковъ: *к*, *ч*(*ц*), *з*, *ж*, *б*, *ш*, какъ о звукахъ, которые обратили на себя вниманіе наблюдателей. и о которыхъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ многихъ говоровъ. Обусловлено-ли это тѣмъ, что наблюдатели, описывая какой-нибудь говоръ, привыкли отвѣчать на обыкновенные и шаблонные вопросы различныхъ „программъ“, составленныхъ уже давно и устарѣвшихъ, для собиранія данныхъ по народнымъ говорамъ, или тѣмъ, что большая часть наблюдателей занималась этимъ дѣломъ безъ особой любви, подготовки, невнимательно слушая народную рѣчь, или—не различали слухомъ оттѣнковъ звуковыхъ, или, наконецъ,—все, что, дѣйствительно, *есть* въ говорахъ и *слышится*, все это наблюдателями передано, и искать и ожидать больше нечего, рѣшить невозможно... Тѣмъ интереснѣе всякое новое сообщеніе, которое можетъ заставить многихъ вновь прислушаться къ ихъ родному говору или вообще къ народному говору, тѣмъ болѣе хочешь знать, не сохранились-ли гдѣ-либо среди живыхъ говоровъ отзвуки говоровъ древнихъ, или многіе древніе говоры слѣдуетъ считать умершими, погибшими навсегда и не отразившимися ни въ живой русской рѣчи, ни въ памятникахъ древней русской письменности... Такъ, напр., мы по необходимости вѣримъ тому, что псковскій говоръ исчезъ уже безслѣдно ¹⁾, и вѣримъ потому, что въ старомъ псковскомъ говорѣ была мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с*, а въ современныхъ говорахъ этой мѣны будто-бы нѣтъ ²⁾; мы принуждены думать вслѣдъ за Соболевскимъ, что псковскій говоръ ото всѣхъ другихъ русскихъ говоровъ отличался своей мѣной *ж* и *з*, *ш* и *с*. Между тѣмъ мы на самомъ дѣлѣ не знаемъ хорошо, есть-ли изъ современныхъ намъ говоровъ такіе, которымъ до сихъ поръ извѣстна эта мѣна, какіе это говоры, насколько распространена въ нихъ указанная замѣна и проч. Мы также еще пока не знаемъ, дѣйствительно-ли *ото всѣхъ*

¹⁾ Соболевскій. Лекціи². Стр. 38.

²⁾ Иго-же. Ук. соч. 38, гдѣ, впрочемъ, есть ссылка на нѣкоторые говоры, знающіе и теперь эту мѣну.

русскихъ говоровъ отличался псковскій говоръ названной замѣной, и намъ потому не кажется странной такая замѣна только въ одномъ изъ русскихъ говоровъ: мы принимаемъ на вѣру эти утвержденія Соболевскаго, хотя, собственно говоря, основаній для такихъ утверженій мало, если принимать за основанія только свидѣтельство въ некоторыхъ древнихъ памятникахъ письменности. Далѣе, мы не можемъ удовлетвориться и тѣми свѣдѣніями, которыя намъ сообщаетъ Соболевскій въ своихъ „Лекціяхъ“ (стр. 39) о говорѣ древнихъ вятичей, будто-бы говоръ вятичей далъ начало тѣмъ великорусскимъ говорамъ, которые не знаютъ мѣны *ц* и *ч*, будто-бы этотъ говоръ „въ древности не имѣлъ никакихъ рѣзкихъ особенностей и отличался отъ другихъ говоровъ только тѣмъ, что въ немъ отсутствовали тѣ особенности, которыя отличали эти говоры“. Этого мы не знаемъ. Видѣтъ основанія для выше приведеннаго утвержденія въ языкѣ Галицкаго Евангелія 1357 г., Переяславскаго списка Поученій Ефрема Сирина 1377 г., Суздальскаго списка лѣтописей 1377 г. едвали позволительно: почему въ этихъ памятникахъ мы должны искать отраженія говора вятичей? Кто ихъ писалъ? вятичъ, или нѣтъ? На основаніи лѣтописи мы не можемъ считать Галичъ сѣверный, Переяславль и Суздаль поселеніями вятичей. Наконецъ, какъ распространилось и колонизовалось племя вятичей къ концу XIV вѣка, отъ котораго имѣются эти памятники? Гдѣ въ это время племя вятичей сохранялось въ большей цѣлости и густотѣ своей? Лѣтопись говоритъ намъ о разсѣленіи вятичей по Оку¹⁾, гдѣ и было ихъ первоначальное гнѣздо, а не по Волгѣ и не на сѣверъ отъ Волги; мы знаемъ также, что „лучшіе мужи“ изъ вятичей попали вмѣстѣ съ кривичами, словенами на югъ и расселились въ городахъ по Деснѣ, по Востри, по Трубчеву, по Сулѣ и Стугнѣ, куда ихъ направилъ в. к. Владиміръ²⁾ въ X вѣкѣ, а въ началѣ XII вѣка Владиміръ Мономахъ прошелъ къ Ростову „сквозъ Вятичъ“³⁾.

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872. Стр. 11—12.

²⁾ Лѣтопись *ibid.* Стр. 119. Подъ 988 г

³⁾ Лѣтопись *ibid.* Стр. 238. Подъ 1096 г. Если подъ 964 г. мы читаемъ про Святослава, что онъ „иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи...“, то это еще не значитъ, что онъ, именно, на Волгѣ былъ среди вятичей: этимъ указывается только направленіе его пути.